

ТАЕЖНАЯ ВЕРНОСТЬ.

Одиннадцать дней у оставленного снегохода, совершенно без пищи, ждала своего хозяина западносибирская лайка

Обычно с рассветом, может быть и в нарушение охотничьих заповедей, Байкала кормили. Деликатесов, правда, не было, но пшенная каша и кое-что из остатков хозяйского стола утоляли голод и давали силу целый день рыскать по лесу в поисках зверя или птицы.

А сегодня завтрак явно запаздывал. Хозяин снимал брезент с красной машины, которая удивительно быстро бегаёт по снегу. Байкал не любил снегоход: много шума, треска, от него зверь разбегается или прячется, да и бегать за ним тяжело. То ли дело лыжи: они не нарушают тишину леса, есть время внимательно осмотреться... А запахи! Их сотни, но выбрать надо только те, которые интересуют хозяина. И самый главный - запах соболя. Его не спутаешь ни с каким другим зверем. Найти соболя - большая удача. За него наивысшая похвала и благодарность хозяина. Плохо то, что запахи быстро "выветриваются", слабеют, и догнать соболя по следу суточной давности ох как нелегко...

Зло, с каким-то надрывом, заурчал снегоход. Хозяин увязал на нарту рюкзак и лыжи. Значит, сначала до большой реки, которую надо переходить вброд, а потом на попутной машине до Ганал, где они обычно останавливаются у местного егеря.

Неполную миску вчерашней каши Байкал слизнул мгновенно - снегоход уже двинулся и раздумывать некогда.

Хозяин несколько раз оглянулся на него и прибавил газу. Он хотел скорее проехать лес, где снегоход шел легко и ровно, а дальше дорога шла по чистой тундре, ехать по которой было тяжелым испытанием для машины и водителя. Чистой и ровной тундра видится только издали или с вертолета. На самом деле там одни ухабы - надувы, выдувы, бугры, канавы, кочки, трещины... На трассе, где их будет ждать попутка, надо быть в полдень. До Нового года оставалось три дня.

Расстояние между снегоходом и собакой быстро увеличивалось. Но это не страшно, если он и отстанет от хозяина, то всего на несколько минут... Вдруг на Байкала пахнуло до боли знакомым запахом. Он стал как вкопанный. Приподняв голову, еще раз втянул в себя воздух. Так и есть, запах соболя! И это не еле различимый запах его следов... Посмотрев в сторону ушедшего снегохода, побежденный охотничьим инстинктом Байкал рванулся к недалеко лежащему старому дуплистому дереву. Господи, здесь он, в этом дупле, надо звать скорее хозяина! Вот это будет добыча!

Над лесом раздался звонкий азартный собачий лай. Он звал хозяина на завершающий этап охоты. Соболю выскочил из колодины и спустя мгновение уже зло шипел на собаку, сидя на березовой ветке в четырех метрах от земли.

Байкал был удивлен такой удаче. Минута работы - и соболю уже на дереве, а это почти стопроцентная гарантия, что скоро драгоценный трофей окажется в рюкзаке хозяина. И не просто окажется. Такая добыча требует к себе уважения. Вначале хозяин потрет и почистит тушку снегом, чтобы, не дай Бог, не осталось где-нибудь кровавого пятнышка, завернет её в чистый целлофановый пакет - и в рюкзак. А потом самое приятное: погладит его по голове и скажет ласковое слово. Ну, да ладно...

А бывает, что полдня гоняешь соболюшку, а загнать в дупло никак не можешь. У них, у соболей, инстинкт не хуже, а может быть, даже лучше собачьего. И, похоже, шансов убежать у них больше, чем у меня догнать их. После долгих часов погони, распутывания следов, кажется, что еще одно усилие - и ты догонишь добычу, но соболю "ныряет" в густые заросли кедрового стланика или, что еще хуже, скрывается в каменистых россыпях. И весь многочасовой труд коту, извините, под хвост. А ты - язык на спину и ждешь с виноватой мордой уставшего хозяина. Но мой хозяин никогда меня не ругает. Он понимает, что это охота! Да и опыта у меня маловато, всего второй сезон охочусь...

Соболь сидел удобно, зорко наблюдая за лайкой. Мысли о побеге с дерева пришлось отбросить. Собака свободно бегала вокруг дерева и любой прыжок скорее всего пришелся бы прямо в ее пасть. Лучше пересидеть эту неприятность на дереве...

Хозяин запаздывал, но это не вызывало опасений. Поставить снегоход, надеть лыжи, проверить оружие - на все это нужно время. Волновало другое: слышит ли он его лай? Со стороны тундры нехвата дул легкий ветерок. Но охотник должен появиться с той стороны, и соболька на дереве надо бы "развернуть" к нему спиной. Все внимание соболя будет приковано к собаке, и он не заметит подходящего охотника...

Мелколесье постепенно переходило в тундру, и снегоход стало бросать из стороны в сторону. Пришлось убрать газ. Мела поземка. Наконец, въехав в пойменный лес на берегу реки, водитель облегченно вздохнул. Через четверть часа "Буран" был поставлен в выкопанный в снегу капонир и прикрыт сверху брезентом. До брода на реке - двадцать минут ходьбы на лыжах. Переправившись через Быструю и встретившись с поджидавшим его егерем, охотник попросил подождать собаку. Ждали до вечера. Но собака не пришла.

Уже несколько часов продолжался поединок между собакой и соболем. Соболу надо было удержаться на дереве до темноты, с наступлением которой его шансы на спасение значительно возрастали. Байкалу - всего ничего: дожидаться хозяина, а тот явно не торопился. Бросить облаивать соболя? Разве можно?! Она не какая-нибудь собака, а охотничья. Еще не было случая, чтобы хозяин не пришел на его зов. Но лай становился все глуше, иногда замирал вовсе... Собака ложилась на снег, хватала его разгоряченной пастью, но за соболем посматривала. Темнело. Чуткий слух Байкала уловил похрустывание снега, правда, где-то сзади. Но что это? Хруст стал удаляться, и все стихло.

Да что это позволяет себе хозяин? Стрелять надо, уже темно становится. А может, он в обход пошел? Байкал повернул голову в ту сторону, где слышны были шаги. Между деревьями мелькнуло что-то большое и темное и скрылось. Замерзающий соболь, собрав остатки сил и ловкости, совершил невероятно мощный прыжок с дерева, ушел под снег и вынырнул за большой корягой на расстоянии десяти метров, уже вне досягаемости собаки.

Байкал бежал трусцой по буранному следу и никак не мог взять в толк: как это удачно начатая охота окончилась впустую? Наверное, надо было бросить этого несчастного соболя и поспешить вслед за хозяином? А как же тогда собачья честь и охотничий инстинкт?

На тундру опустилась ночь. Крепчал мороз. След привел Байкала к одиноко стоящему снегоходу. Ну что ж, надо ждать, хозяин все равно придет... Он лег на снег и свернулся калачиком, прикрыв нос хвостом. Тёплый густой подшерсток надежно предохранял собаку от холода. Усталость взяла свое, и Байкал вскоре заснул. Спал он чутко. Лапы его слегка подергивались, а иногда он вздрагивал всем телом, словно даже во сне продолжал поединок с соболем.

Длинные декабрьские ночи. Светать стало в начале десятого. Байкал встал отдохнувшим. Он потянулся, зевнул, огляделся - хозяина не было. Лыжные следы привели его на берег речки. Недолго думая, Байкал бросился в реку и через несколько минут был на другом берегу. Вдоль реки проходила автомобильная дорога. На ней следы хозяина терялись. Он сел на обочину дороги и стал ждать. Машины проходили редко, и каждую из них Байкал провожал взглядом, надеясь, что вот сейчас она притормозит и из кабины выскочит его любимый хозяин. Так прошло несколько часов. Хотелось есть. Он вспомнил о пшенной каше и проглотил слюну. А не сбежать ли к зимовью? Может, там хоть что-нибудь из еды найдется...

Выйдя из воды, он отряхнулся и легкой рысцой побежал обратно по своему следу. Тундра была пустынной, даже ни одна куропатка не взлетела, а вот лапы об острые заструги ободрал, и они неприятно саднили. В лесу да по следу снегохода бежать было веселее. Обычно из трубы зимовья, даже когда они с хозяином возвращались вечером, вился лёгкий дымок. Сейчас зимовье было мертвым, дверь подпирала лопата...

Байкал не спеша прошелся по всем дорожкам, дошел до лабаза, потом до бани. Наверху было чем поживиться. Там у хозяина хранятся разные крупы, хлеб, сухари, но добраться до них невозможно. Хозяин, боясь россомахи, перед уходом даже лестницу от лабаза убирает, на всякий случай. Покопавшись в снегу, он нашел кожуру от картошки и еще что-то жесткое и невкусное. Тяжелый нынче сезон... Даже тушки зверьков нигде не валяются. Вздохнув, Байкал лег на свое обычное место, между лабазом и зимовьем, положил голову на лапы и задремал.

Он проснулся, когда солнце уже клонилось к закату, обошел еще раз зимовье и побежал в сторону большой реки. Не пробежав и километра, "схватил" запах зверя. Он не принадлежал соболу, лисице или другому мелкому зверю.

Запах был сильным, возбуждающим, захватывающим... Зверя он увидел в тридцати метрах от себя в густом тальнике. Это был крупный мощный зверь с большой головой, на которой красовались громадные рога лопатами. Байкал понял, что это о нем всегда говорит хозяин при встрече с другими егерями. Он не разрешает преследовать этих зверей, беря его каждый раз на поводок.

Зверь уставился на собаку. Байкал остановился, шерсть на загривке поднялась дыбом. Так они изучали друг друга несколько минут. Лось был спокоен, чувствовал свою силу. Страшно было даже представить, что с ним будет, если лось пустит в ход свои рога... Да, но сколько же тут мяса! Его явно хватило бы и ему, и хозяину, и семье хозяина на целый год. Собака обиженно залаяла. Лось молча повернулся и медленно двинулся в глубь тальника.

Эту ночь Байкал провел около снегохода.

Утром, несмотря на боль в ободранных настом лапах, он снова переплыл реку и занял наблюдательный пост рядом с автотрассой. Трасса была пустынная, и он позволил себе пробежаться по обочине в надежде найти что-нибудь съедобное... Прямо напротив него затормозила легковая машина. Сердце у собаки екнуло, но из машины вышли два незнакомых человека. Они о чем-то переговорили между собой, а потом стали ласково подзывать Байкала, почему-то называя его то Шариком, то Тузиком. Он не шелохнулся. Тогда один из них принес из машины ломоть хлеба. Запах еды заставил собаку подняться на ноги, а когда мужчина отломил и бросил ему небольшой кусок хлеба, он поймал его на лету, проглотил и завилял хвостом. Люди бросают еще кусок хлеба, потом еще... И вот он уже сидит в машине, с веревкой на шее, а незнакомцы говорят о каких-то меховых шапках, закуске и наступающем празднике. Машина останавливается возле сельского магазина, и его передают с рук на руки новому хозяину. Из всех сил он упирается четырьмя лапами в снег. Человек дергает за веревку, и та, на счастье Байкала, оказывается завязанной слишком слабо...

До снегохода он добрался в сумерках. Отдышавшись, лег на свое место. Ему снился хозяин, ласково поглаживающий его по голове, а перед его носом стояла, аппетитно пахнувшая растительным маслом, полная миска пшенной каши...

Утром он побежал к зимовью. Что-то тянуло его туда - может, смутная надежда найти там и хозяина, и миску с кашей... На зимовье он нашел ободранную тушку горностая. Горноста́й - известная всем вонючка, но она была съедена так быстро, что никакого неприятного запаха он не ощутил. В другом месте -дохлую мышь, которую проглотил не раздумывая.

Обратная дорога показалась длиннее обычного, да еще лапы стали кровоточить. Он зализывал раны, и боль ненадолго утихала.

Морозы стояли лютые, рождественские. Забереги на речке увеличились: лапы не доставали дно, и он с трудом выбрался на кромку льда. Он выбрал берег повыше, откуда местами просматривалась автотрасса, подолгу сидел или лежал, провожая взглядом автомашины. Перебраться через реку больше не пытался, иногда прогуливаясь по берегу. Пробовал и мышковать, но то ли мышей было мало, то ли у него не было лисьей сноровки - затея эта оказалась бесполезной. Может, подсказало чутье, но Байкал стал экономить силы. Больше лежал, не отходил от снегохода.

Шли дни, их сменяли ночи. Наступило рождество. Силы убывали, но он закрывал глаза и ждал. А в том, что хозяин придет, он не сомневался.

В основу этого рассказа легли действительные события, происшедшие в декабре 1999 - январе 2000 года. Одиннадцать дней у оставленного снегохода, совершенно без пищи, ждал своего хозяина Александра Баландина, егерь управления охотничьего хозяйства, его верный друг западносибирская лайка по кличке Байкал. И дождался.

**Константин Кудзин,
Охотовед**